

Игорь Красовский

ERROR

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Владимирович Красовский

Error

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67484052

SelfPub; 2022

Аннотация

Error – состояние программы, при котором выдаются неправильные результаты, причиной которых являются изъяны в операторах программы или в технологическом процессе ее разработки, что приводит к неправильной интерпретации исходной информации, следовательно, и к неверному сценарию.

Содержит нецензурную брань.

Игорь Красовский

Error

Раздражающий мерцающий свет, пробивающийся сквозь веки, заставил меня открыть глаза. Ия сидела на краю дивана и моргала электрическим фонариком мне прямо в глаза.

– Хватит спать! Чего это ты под вечер спать вздумал? – спросила она, довольная своей проделкой, выключая наконец фонарик.

– Привет! Я музыку слушал и уснул. Ты давно пришла?

– Да, давненько. Успела помочь твоей маме клубнику в саду собрать.

– Блин, я ей обещал помочь, – стукнув себя по лбу, сокрушился я.

– Ага. Она как раз шла тебя будить, а тут я. Говорю, дайте я помогу, все же мне, девочке, сподручней, – сказала она, специально встав коленями мне на грудь, чтобы положить фонарик на полку.

За это и за то, что она мне светила в глаза, я в отместку поцекотал ее подмышки, просунув руки под блузу.

– Ах, так! – и она кинулась меня душить подушкой.

Борьба была недолгой. Вскоре я вывернулся и оказался на ней, держа ее руки.

– Ну что, будешь еще лезть в драку? – смеясь над ее смешным беспомощным видом, спросил я.

– Буду! Буду! – и, показав мне язык, еще раз добавила. – Буду!

Тут вошла моя мама в фартуке и с полотенцем на плече.

– Эй, детишки малые, ужинать будете?

И тут мы с Ией на пару крикнули:

– Будем!

– Тогда идите, я уже наложила вам, и не канительтесь, а то остынет, – сказала она и ушла на кухню.

– Вот зачем спрашивать, будем ли мы ужинать или нет, если она уже наложила? – не столько спросил, сколько прокомментировал я этот странный момент.

– Мамы – они такие. Они нас спрашивают не для того, чтобы получить ответ, а для того, чтобы мы как бы почувствовали право принимать решения, – ответила Ия, надевая юбку, потерянную в момент нашего дурачества.

Пужинав, мы вышли во двор, где я тайком покурил, а Ия следила за тем, чтобы меня не застучала за этим делом мама. Она хоть и знала, что я курю, все равно устраивала мне взбучку.

– Пойдем, наверное, на лавку к Розе?

– Опять на лавку. Вот вообще туда неохота, они мне все в школе надоели, поговорить-то толком не о чем, одна пошлятина, – надувши губы, выразила недовольство Ия.

– Дома сидеть что ли, по телевизору все одно ничего нет.

– Ты фотоаппарат обещал починить.

– Давай завтра днем, вечер, смотри, какой классный. Теп-

ло, звездочки. Пошли.

Она изобразила капризную девочку, которая не хочет никуда идти. Пришлось взять ее за руку и в буквальном смысле тащить ее на место встречи нашей компании. А местом этим была лавочка у дома Розы. Роза была нашей старостой не только все время учебы в школе, но и после школы она продолжала руководить всеми нами. Сама Роза была объектом почитания всех ребят, девочки признавали ее превосходство и, кто в тайне, а кто и не скрывая, хотели быть на нее похожи. Ее темно-рыжие волосы, восточные черты лица, миндалевидные черные глаза, смуглая кожа и сбитое с шикарными формами тело сводило с ума даже приезжающих к нам в город на практику студентов столичных вузов. Но была одна преграда к этой красоте – ее отец. Под два метра ростом, плечистый, с лицом, как в киношных главарей басмачей, он отпугивал только своим видом, а когда узнавали его должность, то сразу на попытках ухаживать за Розой претенденты ставили крест. Да и сама Роза мастерски могла отшить любого едким словом, а, если слова не действовали, она могла пустить в ход и кулаки. Немало в школе от ее молниеносных ударов в нос пострадало задир.

Вечер проходил, как обычно: семечки, пошлые анекдоты от Лехи да Ольгины рассуждения об отсталости родителей, мне было скучно. Я начал дергать Розу за хвостик волос на голове и тыкать пальцем в бок, вначале она, просто улыбаясь, отбивалась, но, когда я укусил ее за мочку уха, она, от-

толкнув меня, вскочила с лавочки и, поставив руки в боки, громко, прищурив один глаз, спросила:

– Егор! Что ты хочешь от меня?!

Я не растерялся и тут же ответил как бы шутя.

– Хочу, чтобы ты мне отдалась! – ни на что не надеясь, во все услышанье заявил я.

И тут наступила тишина, все замолчали, даже листва на деревьях, казалось, напряглась, ожидая дальнейшее развитие событий. Вся компания смотрела на Розу, она, видя все это, нарочно тянула резину, наклонила голову вбок и, крутя пальцем хвостик, посмотрела в небо и наконец-то сказала:

– Если проведешь ночь в черном доме, отдамся тебе, при всех вот клянусь!

Леха просвистел и добавил:

– Вот это уже становится интересным.

– Ты серьезно, Роза? – спросила ошарашенная Ольга.

– Самое что ни на есть серьезно.

Компания тут же начала весело обсуждать ночевку в черном доме, хотя Вована больше интересовали уже последствия моей ночевки.

Лишь Ия заметно погрузнела и растерянно смотрела на меня, как ребенок, который не знает, заплакать ему или нет.

– Ну так что, Егор? Сможешь ради меня на такое пойти? – спросила Роза, вызывающе выставив вперед свою манящую грудь.

– Легко! – ответил я. Хотя даже не представлял, как я это

буду делать. Меня, как и Вована, интересовало дальнейшее развитие, и в моей голове она уже была в моих страстных объятиях.

– Ну тогда завтра в это время идем все к черному-пречерному дому и посмотрим, какой ты смелый и как сильно меня хочешь.

– Роза, домой! – услышали мы голос ее матери со двора.

Роза тут же засобиралась домой.

– Можно хоть поцелуй авансом? – хорохорясь, спросил я.

– Никаких авансов, либо все сразу, либо ничего, – она зашла в усадьбу, захлопнув за собой железную воротину.

– Всем пока, – раздался ее голос из-за забора.

– Егор, ну ты что, правда собрался в этот дом? – спросил Леха.

– Да. А че такого?

– Как че, хрен его знает, что там, – вмешался Вован.

– Что вы парня отговариваете, завидуете? – вставила Ольга.

– Чего завидовать, вот зачем туда лезть. Розка как придумает что-нибудь, – возмутилась шепотом Светка.

– Ты все-таки подумай, мы пойдем все, – с философским видом сказал Вован и добавил с видом знатока. – Если что, выпей водки, прям так, основательно, чтобы отрубиться и спать...

– Никакой водки, все должно быть по-честному, – раздался звонкий голос Розы из-за забора.

– А ты не подслушивай! – сделал ей замечание Вован.

– Я не подслушиваю, я пришла сказать, мама ругается, что вы там галдите!

– Ладно, пошли по домам, поздно уже, – сказала Ольга.

Мы пошли по домам, наши с Ией дома находились в другой стороне улицы, и мы, попрощавшись с остальными, пошли с ней в свою сторону вдоль аллеи с цветущими акациями.

Ия вцепилась в мою руку, так как плохо видела дорогу, и долго непривычно для нее молчала.

– Не ходи туда, вот не стоит она того. Розке ведь плевать на тебя и что с тобой будет, про этот дом что только ни рассказывают.

– Да что вы все прям. Все детские сказки, ничего страшного не произойдет, просто дом, просто необычно для наших мест, из камня, и там никто много лет не живет, потому и почернел весь от плесени.

– Кажется, в детстве я слышала, проходя мимо него, что там кто-то кричал...

– Вот и всем так: все кажется и всем в детстве. Вон детвора мелкая на днях тоже болтала, что кто-то из ихних друзей видел, как ставни сами открылись и из его окон заплаканная девушка выглядывала.

– А ты правда Розку хочешь? – неожиданно переключив тему, спросила Катя.

– Вот что спрашиваешь, конечно, хочу, сама ведь знаешь,

как я по ней с девятого класса сохну.

– Хотеть и любить не одно и то же, – сердито возразила Ия, но потом, уже смягчив тон, тут же добавила. – Между прочим, сперва любят, а потом хотят.

– Видимо, люблю, потому и хочу, наверное, иначе не хотел бы.

– А если б у тебя с другой это случилось, ты Розку так же хотел?

– Что это? – я посмотрел на Ию, и даже в темноте было видно, что она покраснела то ли от запаха цветущих акаций, то ли от своих вопросов.

– Егор, не мучай, ведь знаешь, о чем я.

– Знаю, но я не думал как-то об этом так глубоко.

Я проводил Ию и, придя домой, когда уже все спали, перекусив остывшим ужином, завалился на диван.

Черный-черный дом – так мы его называли. Какие только страшные истории мы ни придумывали про него. Самая распространенная, что если в нем переночевать, то можно либо исчезнуть, либо в лучшем случае сойти с ума. Мы в старших классах даже пытались в него залезть, но дверь и ставни всегда были плотно закрыты. Да и никто их открытыми не видел. Я пытался подумать о том, какой инструмент мне взять с собой, чтобы отрыть дверь, но образы обнаженной Розы уносили меня совершенно в другую сторону.

Проснулся я уже к обеду, мать с отцом ушли на работу.

Не успел я позавтракать по обыкновению в час дня, как

появилась Ия.

– Ты куда такая нарядная?

– Да никуда, просто так. Лето, а я все в одном и том же.

Вот решила платье новое надеть.

Она крутанулась, и подол воздухом взлетел выше приличного. Я сделал вид, что ничего не заметил.

– Тебя нравится?

– Нормально, – ответил я, садясь на диван.

Я открыл газету и пытался найти в программе телепередач что-нибудь стоящее.

Ия вырвала газету и села мне на колени, я не успел одуматься, как она буквально впиалась своими губами в мои. Я кое-как отодвинул ее. Ее всю трясло, дыхание выдавало возбуждение, она вела себя для нее не свойственно.

– Жениться не обязательно, возьми меня, только в дом тот дурацкий не ходи, – сказала она, и тут же платье слетело с нее, она осталась в одних трусиках, на которых были нарисованы маленькие фиалки. Ее маленькая грудь будто увеличилась в размерах, и, хоть я много раз ее видел, на этот раз она выглядела как-то притягательно опасно. Не давая мне опомниться, она принялась снимать с себя трусы, не отрывая от меня глаз и кусая свои из без того опухшие губы. Я поймал ее руки, не давая ей сделать этого.

– Ия, так не надо, нельзя так. Я не могу.

На ее глазах накатились слезы, она все еще пыталась снять трусы, а я крепко держал ее руки, не давая сделать этого,

внутренне понимая, что если дам ей сделать это, то тогда не остановить уже и меня.

– Ну вам, парням же, только этого надо. Ты попробуй, может, тебе понравится, и Розку не захочешь.

Мне захотелось ее ударить, но не для того, чтобы причинить ей боль, а для того, чтобы избавить ее от навязчивой идеи в отношении меня. Но я просто вскочил и убежал на улицу.

Достав из тайника под крыльцом пачку сигарет, я закурил.

– Дай мне тоже, – попросила Ия, присаживаясь рядом на ступеньку крыльца.

– Ты ж не куришь, – сказал я, но все же дал ей сигаретку, понимая ее состояние.

– Глупо как-то все вышло, сама не знаю, что на меня нашло, может, зависть к Розке, может, все из-за этого чертового дома, а может, просто этого захотелось, да, скорее всего, именно этого.

Я посмотрел удивленно на Ию.

Она смешно прижала голову к плечам и мокрыми щенячьими глазами смотрела на меня с преданностью и готовностью на любой мой каприз.

– Извини, – она попыталась затянуться сигаретой, но закашляла и разревелась. Забрав у нее сигарету и выкинув, я обнял ее. Безусловно, в ней что-то было родное, ведь она с самого раннего детства мой первый друг, в одной группе в детском саду, в школе с пятого класса за одной партой. Я от-

носился к ней как к сестренке, она, наверное, ко мне относилась как к брату.

Ия была красивой девочкой с утонченными чертами лица, с черными волосами, заплетенными в косу, с слегка вздернутым носом, на котором держались огромные очки, делая ее немного похожей на стрекозу, небольшого роста, но я ничего не смог бы сказать о ее фигуре, так как вообще на нее не смотрел как на объект желания, да и как противоположный пол я ее, наверное, не воспринимал. Она просто была, и не быть ее не могло.

Мы встретились в назначенный час в палисаднике напротив черного дома. Народу было побольше, всем хотелось знать, чем закончится, даже сидел старый дед, видимо, он жил в доме напротив черного, и палисадник с лавочкой были его, нас он не выгонял, а, наоборот, с интересом за нами наблюдал и молчал, лишь, изредка скручивая козью ногу, закуривал и окуривал все душистым запахом табака.

Все внимание было на Розу, именно она была в глазах всех героиней это ночи. Даже мои друзья Леха и Вован не беспокоились обо мне, только Ия, которая стояла в стороне, облокотившись на ствол яблони, смотрела на меня, не отрывая взгляда, нервно ломая свои пальцы.

Договорились, что я должен войти в дом в двенадцать ночи и выйти не раньше шести утра. Только тогда обещание Розы будет выполнено.

– Чтобы тебя подбодрить, хочу сказать, что завтра утром родители уезжают к тетке в село, так что за мной не заржавеет, – сказала Роза под завистливые взгляды парней и многозначительные улыбки девушек.

До двенадцати было еще часа два, и народ начал травить байки про этот черный дом.

– А помните? – начал невесть откуда взявшийся Влад. – Как его хотели снести и построить на его месте котельную, так этого начальника, который это предложил, нашли без головы.

– А голову хоть нашли? – спросила Светка.

– Не-а. Может, она там, в доме, – глядя на меня, ответил Влад.

– Ерунда какая-то, – заметил Леха. – Мне бабушка рассказывала, что до революции в нем доктор какой-то жил, потом его расстреляли как врага народа, потом дочь его жила, а когда в войну ее детей всех убили, она малость тронулась и больше не разговаривала. Так одна и померла.

– Что-то похорон никто не помнит этой бабки, может, она там лежит мумией, – заржал Вован, изображая, как эта мумия встает при виде меня.

– А эта мумия еще и голову начальника держит, и такая ууу, – пошутил Влад.

Вдруг сквозь хохот прорезался тихий голос, и все затихли.

– А я слышал, – вдруг подал голос молчаливый дед, – что дом не всех забирает, а только тех, у кого любовь большая, и

вытащить его оттуда может только его истинная вторая половинка, причем ценой своей собственной жизни.

– Это как? – спросила Светка.

– Да просто, подходит к двери, тихонечко постучит, а потом скажет: «Меняю того, кто в доме, на душу свою!», дверь-то и откроется.

– Ну это вообще сказочная банальщина какая-то для детишек, – съязвила Танька с соседней улицы.

– Не, так нам не катит! – заржал Вован. – Розка, значит, типа меняется, а Егорыч без обещанного останется.

Все заржали раздражающим взрослых молодым, полным жизни смехом.

– И потом, какой резон ходить друг за дружкой, сперва один одного выручает, потом второй. Где логика, дедушка? – даже как-то возмущенно спросила Ольга.

– А логика в том, что обмен может быть раз, как и молодость, которая только раз бывает, и еще в том, что страданиями влюбленных этот дом питается, – ответил дед, скручивая очередную козью ногу.

– Налейте мне, я больше не могу слушать эти сказки, – возмутилась Светка.

– Ну все, время! – скомандовала Роза.

Я, хорохорясь, пошел к дому, открыв калитку, вспомнил, что не взял никаких инструментов, чтобы открыть дверь, и где-то в глубине души мелькнула радость от того, что я не

смогу попасть в дом, но при этом не буду выглядеть трусом. Правда вот Роза...

Я подошел к двери и дернул за ручку. И тут она открылась. Дверь, которую никто на моей памяти не мог открыть, открылась. Ведомый, скорее, любопытством, чем смелостью, я вошел в дом. Пройдя в темноте чуть дальше, я попал в комнату, в которую сквозь щели ставень попадал лунный свет. В той комнате стояли прямо посередине большая железная кровать и зеркало у изголовья на стене.

«Ничего страшного, вот и кровать есть, никакой мумии на ней, – подумал я, – надо лечь, закрыть глаза и уснуть, чтобы быстрее время прошло». В другие комнаты я решил не заходить на всякий случай. Я лег на кровать и увидел, как в воздух поднялась пыль, сверкая при узких лучах лунного света, она образовала узор, наподобие огромной снежинки, и закружилась. Я никогда такого зрелища не видел, но, наблюдая за ним, я погрузился в сон.

Проснулся от раздражающего глаза мерцающего света. Ставни были приоткрыты, я посмотрел в щель, мне показалось, что солнце, словно лампочка, включается и выключается, и так постоянно. Я посмотрел на часы, на них было ровно шесть. Тут я услышал шум посуды и тут же почувствовал запах оладий, словно в детстве, когда мне по утрам их готовила тогда еще живая бабушка. Я направился туда, где, судя по всему, находилась кухня. Открыв дверь, я чуть не ошалел. Это была точь-в-точь такая же кухня, как у моей бабушки.

На столе стояли только что пожаренные оладьи, а рядом варенье и сметана. Я, не думая, тут же уселся их есть. Надо же, тот же вкус, и варенье малиновое было точно приготовлено моей бабушкой.

Наевшись, я осмотрел кухню.

Какая вероятность того, что у другого человека будет точно такая же кухня с мебелью и утварью, как у моей бабушки, и где тот человек, что напек эти оладьи?

Я встал и пошел искать того, кто накормил меня завтраком, чтобы сказать элементарное спасибо. Помимо той комнаты, где я спал, было еще две. Ну тут я посмотрел на часы, было уже десять минут седьмого. Потом поблагодарю, подумал я и побежал к выходу, но, открыв дверь, которая раньше вела во двор, я оказался в другой комнате, там на полу сидела маленькая девочка спиной ко мне.

– Девочка, есть кто из взрослых?

– Никого нет. Папа гробик строгать пошел, мама за рубашкой белой на базар пошла.

– Ты не скажешь, где выход?

– Здесь везде выход.

Я вернулся в комнату, но она приобрела совершенно другой вид: белые стены без окон и пол, выложенный белой, как в больнице, кафельной плиткой.

– Ку-ку! – услышал я ее голос откуда-то сверху, я поднял глаза, на меня смотрело существо с детским телом, в платье и с деревянной головой кукушки с черными дырами вме-

сто глаз. Это существо открыло клюв и издало пронзительный скрипучий свист, от которого в моих глазах все потемнело, и я потерял сознание. Очнулся я, лежа на чем-то твердом, вверху раскачивалась тусклая лампочка. Я хотел было встать, но не тут-то было: я был привязан.

– Ты что будешь? – узнал я голос отца.

– Я, наверное, буду печень, – ответила мать.

Тут я почувствовал, как что-то острое пронзает мое тело, и я слышу звук разрезаемой плоти. Я хочу кричать, но мой рот зашит.

– А я, наверное, поем мозг, – вновь послышался голос отца.

– Как скажешь, дорогой, – услышал я ответ голосом матери.

И тут же что-то уперлось в мою макушку и начало сверлить череп, я слышал запах паленой кости и скрип тупого сверла.

– Я не позволю его есть! Слышите, не позволю! – послышался крик Ии, и тут же раздался гул, свет заморгал и потух, а я начал проваливаться куда-то вниз. Очнулся я в комнате, где все было красным. Я испуганно вскочил и ощупал себя: не было ни дыры в затылке, ни разреза на животе. Я осмотрел комнату, и неприятное чувство животного страха стало нарастать из центра живота, казалось, что я нахожусь внутри живого организма. Стены, пол и потолок явно были из живой плоти, которая, покрытая красной слизью, шипела

и чавкала.

В поисках выхода я увидел дверь и немедленно забежал в еще одну комнату. В ней вначале было абсолютно темно, затем темнота рассеялась, и я увидел гроб, стоящий на двух стульях. В гробу лежала голая мертвая девушка, я подошел поближе, и меня прошибло потом: там лежала Ия. Глубокая печаль и тоска овладели мной, и я встал перед гробом на колени, и уже слезы текли из глаз моих, как Ия резко открыла глаза.

– Возьми меня! – закричала она не своим до звона в ушах высоким голосом.

И тут же страх и желание тела ее стали бороться во мне, отчего мое тело упало в судорогах и все потемнело. Вдруг я услышал шаги сзади меня, но я не мог пошевелиться, чтобы посмотреть. Кто-то ходил и приговаривал:

– Так, так.

Потом останавливался, клал руку на голову, вставал и ходил вновь, приговаривая:

– Так, так.

Я собрал все силы, что у меня остались, и попытался закричать, открыл рот, но вместо звуков из него вылетел рой огромных золотых мух. Их было так много, что они осветили всю комнату золотым до рези в глазах светом. Я поднялся на ноги и вышел из комнаты и тут же оказался вновь на кухне.

За столом сидела Ия и что-то размешивала в стакане.

– На, мой родной, выпей, и сразу полегчает.

Я, не раздумывая, взял стакан и выпил. Действительно полегчало.

– А ты что тут делаешь? – спросил я у нее.

– Да вот пришла попрощаться с тобой, – ответила она, мило улыбаясь.

– Ты уезжаешь?

– Что ты. Просто ты умираешь.

– Я болен? – испуганно спросил я.

– Нет же, милый, ты просто стар.

– Ерунда какая-то. Ия, я еще молод, как и ты.

Она встала, подошла ко мне, тепло обняла, затем взяла за руку и повела в комнату с кроватью и зеркалом. Ия подвела меня к зеркалу, в котором я увидел немощного морщинистого старика.

– Кто там? – спросил я, и тут по движениям губ отражения и присутствию рядом с отражением Ии я понял, что это я.

Вдруг все мое тело стало слабым и тяжелом, силы покинули меня, и ноги не могли держать, хоть и тщедушное, но все же тело, я упал на пол и зарыдал.

– Не плачь, любимый, ты прожил не пустую жизнь, в твоей жизни была любовь, теперь ты можешь уснуть, воспоминания, которые тянут тебя в бездну, покинут тебя, и ты обретешь покой.

Ия помогла мне встать и уложила на кровать. Сев рядом со мной и глядя мою трясущуюся руку, она повторяла нараспев странную фразу: «Ю овсу шудан умо дво тко го тья нем».

Проснулся я от яркого солнечного света, который освещал комнату сквозь окна. Ставни были открыты. Это, наверное, мои друзья открыли. Я посмотрел на часы, на них было ровно шесть. Я быстро встал и вышел на улицу, народ заметно рассосался, на лавочке спал Вовка на Светкиных коленях. Леха, судя по всему, дремал сидя. Ольга с Розой о чем-то болтали, тут она увидела меня и, тут же соскочив, побежала ко мне с криком.

– Просыпайтесь, народ, вот мой герой идет ко мне! – она обняла меня и поцеловала.

– Ну че, рассказывай, че там было? – спросила Ольга.

– Да ничего особого, уснул, проснулся и все.

– Блин, а разговоров-то было, знал бы я, что все так, я бы и сам пошел, – пробубнил сонный Леха.

– Зачем бы ты пошел? – ехидно спросила Ольга.

– Как зачем? Затем же, зачем и Егор.

Роза рассмеялась.

– Ты что, думаешь, это было для всех? Неет. Я давно Егора заметила, вот ждала, чтобы проверить его чувство, – она довольно гладила меня по голове и смотрела, словно в первый раз видела.

– Ну раз все обошлось, надо по домам, спать, блин, охота, – заявила Светка, будя Вована, который явно не хотел просыпаться. – Ладно, еще полчаса дам ему, а вы идите.

Мы двинулись по домам, я обнимал за талию Розу, и мне

не хотелось спать, но Роза, судя по всему, этого очень хотела, так как не спала всю ночь.

Уже перед своим домом она мне шепнула на ухо.

– Я сейчас отосплюсь, ты в часов семь вечера приходи, – тихо сказала она, наградив меня страстным поцелуем.

Уже дома я вдруг все вспомнил. Неужели это были только сны. Но стоило мне погрузиться в воспоминания, как на меня находили реальные эмоции страха и ужаса, пережитого в доме во время сна.

Как было уговорено, я пришел к Розе в семь вечера, она была в приподнятом настроении и готовила какое-то национальное блюдо специально для меня.

– У тебя было это с девушкой? – спросила она как бы между прочим, раскладывая еду по тарелкам.

– Нет. А у тебя?

Запах приготовленной Розой еды был превосходен.

– А у меня откуда! – засмеялась она.

Весь вечер мы провели за болтовней и воспоминаниями о школьной жизни, когда на часах пробило двенадцать. Тут Роза сделала серьезное лицо и как-то официально заявила:

– Так, сколько резину ни тяни, обещанное надо исполнять!

Я покраснел, понимая, что это все-таки произойдет и мне тоже надобно проявить какую-то активность со своей стороны.

– Я боюсь, если честно. Давай вина выпьем для храбро-

сти, – предложила Роза.

Вино помогло. Я осмелился ее поцеловать и дать волю рукам, Роза была не против.

Она взяла меня за руку и повела в свою спальню, расправила постель и, потушив свет, сказала:

– Ты раздевайся и ложись, я сейчас.

Роза появилась минут через семь, мои глаза уже привыкли к темноте, и потому, когда она сняла халат, я четко видел силуэт ее обнаженного тела. И тут я почувствовал это тело, его жар, его запах и вкус. Все, что раньше казалось недостижимым, теперь буквально было в моих руках.

Проснулся я от того, что мне казалось, что на меня кто-то смотрит. Открыв глаза, я увидел стоящую перед кроватью девушку, из-за темноты я не мог разглядеть ее лица. Это была не Роза. Роза лежала рядом, уткнувшись носом мне в подмышку. Я приподнялся, по шуплой фигуре я понял, что это Ия.

– Ия, что ты тут делаешь? – спросил я.

Но она молчала. Я спросил громче.

– У тебя все хорошо?

– С кем ты болтаешь? – услышал я сонный голос Розы.

Виденье исчезло.

– Иди ко мне, – Роза притянула меня к себе и обняла своими нежными и горячими руками, и я тут же погрузился в глубокий сон в ее объятиях.

– Вставай завтракать. А то когда родители приедут, я точ-

но не знаю. Заявятся, а тут такое, отец меня сразу прибьет.

Я соскочил с постели и хотел было одеваться.

– Стой! – скомандовала Роза. – Дай хоть на голого тебя посмотрю.

Она хотела меня потрогать, но тут увидела что-то за моей спиной и крикнула на своем родном языке:

– Лизарахмар!

Я повернулся и увидел, что на простыне было пятно крови.

– Вот я дура, ну такие вещи забыть, – она содрала с постели простынь, пятно было и на матрасе. Мы перевернули матрас. Роза засунула простынь под кровать. – В понедельник мамка на работу уйдет, застираю.

Вечно крутящаяся подле меня Ия непривычно отсутствовала, и это отсутствие создавало тяжелую пустоту и нервировало. Надо было пойти к ней самому, видимо, она обиделась на то, что я с Розой, и сидит дома и по обыкновению дуется. Нужен был какой-то предлог, и вскоре его нашел: это был старый фотоаппарат ФЭД моего отца, который я отдал ей. Она фотографировала все подряд – цветы, дома, ребят на лавочке, иногда фотографировал я, показывая, как правильно это делать, недавно даже ее сфоткал, когда были с ней на речке и купались. Но что-то с ним случилось, и он у нее заел вместе с пленкой, и Ия принесла его на починку. Я его так и не починил, уже давно, месяц, лежал на полке с книга-

ми. Взяв фотоаппарат, я направился к ее дому. Как обычно, я открыл калитку и направился к двери ее дома, но собака меня почему-то не узнала, и я еле успел отбежать назад за калитку, избежав быть покусанным. Вскоре на крыльце появился ее отец.

– Здравствуйте, Эдуард Артемьевич! А Ия дома?

– Кто? – удивленно спросил он.

– Ия!

– Что еще за Иля?

– Не Иля, а Ия, дочь ваша! – я решил, что он шутит надо мной.

– Бросали бы вы, молодой человек, эксперименты всякие надо мной ставить. Нет здесь никакой Ии, и дочери у меня нет. Уходите, я после смены, устал, а вы тут ходите.

Мне стало немного не по себе, я вернулся домой, как раз пришла с работы мама.

– Mam, ты случайно не знаешь, что с Ией? – спросил я ее, так как она работала вместе с ее мамой.

– Какой Ией? – удивленно посмотрев на меня, спросила она.

– Ну как с какой, с дочкой Сенкевичей?

Мама потрогала мой лоб, посмотрела в мои глаза.

– Ты чего, сынок? Не было у них дочки никогда, да и несчастная тетя Лида вообще не может иметь детей после той аварии.

Я не стал спрашивать, про какую она аварию, а просто глу-

по улыбнулся и, сказав, что перепутал, пошел пройтись по городу. Бесцельно пройдя до станции, я вспомнил про черный дом и решил его осмотреть. Дверь была открыта, войдя внутрь, я увидел кучи мусора, бутылок и старую ржавую панцирную кровать, обычно в таких местах собирались алкаши, все явно отличалось от виденного мною. Странный запах исходил из повсюду валявшихся железных алюминиевых не то банок, не то бутылок, от него у меня начала кружиться голова, и я быстро покинул дом. Я встал на крыльце, жадно хватая свежий воздух. Как вдруг на душе стало как-то неприятно и даже страшно от того, что мне вдруг показалось, что кто-то меня тронул сзади за плечо, да я готов был поклясться, что видел даже девичью руку на своем плече. Я вылетел из чертового дома и направился к ребятам на лавочку возле дома Розы, я застал там Вовку и Светку, моих одноклассников.

– Привет, видел кто Ийку?

– Че эт ты Розку так чудно обзываешь? – спросила Света.

– Да никого я не обзываю. Я про Ию, с которой ты в младших классах за одной партой сидела, пока она ко мне не пересела.

Вовка вылупил на меня глаза и как-то громко моргал.

– Ты че, Егор? Я всю школу вот с этим вот тормозом просидела за одной партой, – ответила она, указывая на Вовку.

– А че я тормоз-то? – обиженно возмутился Вовка.

– Да нет же! – уже нервничая, воскликнул я. – В нашем

классе и в нашей компании была еще одна девушка – Ия Сенкевич, а теперь ее нет!

– Да, дом на тебя реально повлиял, может, тебе к психиатру? – предложила Светка.

Тут вмешался Вовка.

– Да ничего он не сумасшедший, это все от стресса, видеть, ему в доме приснилась эта Ия, вот сон с реальностью перепутался. Я бы, наверное, вообще бы сейчас инопланетян искал.

– Да ты сам как инопланетянин, – скрывая напряжение, крикнула на него Светка.

– Ладно, не ругайтесь. Наверное, Вовка прав, чет приснилось, прям как наяву, – загладил я тему.

Мне доставило это дискомфорт, казалось, что меня разыгрывают или что-то недоговаривают, по всему телу была мелкая неприятная дрожь, и я быстро вернулся домой, где нашел все школьные фотографии, но ни на одной не было Ии. Ни на одной.

Видимо, действительно, я просто сошел с ума. Но во избежание того, чтобы меня приняли за съехавшего, я решил больше не спрашивать про Ию.

Вернувшись к ребятам, я заметил, что Розы еще нет.

– А Роза где? – спросил я.

– Да, может, чем родители напрягли, – ответила Ольга.

В это же момент открылась воротина, из-за которой вышла мама Розы и, не здороваясь, сказала:

– Егор, зайди-ка к нам.

Чувствуя что-то неладное, я зашел во двор, а затем и в дом.

– В ту комнату проходи, – указала она на кабинет ее отца. В кабинете стояла опустившая голову Роза, я никогда не видел ее такой беззащитной и слабой, она, ссутулившись, смотрела в пол и теребила мокрый от слез носовой платок. На письменном столе отца горой лежала скомканная простынь. Мама зашла следом и, скрестив руки, села в кресло. Отец молча перебирал бумаги, по его лицу было видно, что он весьма недоволен.

– Ну что, Егор, какие намеренья твои в отношении моей дочери?

У меня не было никаких намерений, у меня перед глазами начали всплывать сны, пережитые мной в этом проклятом доме, плюсом меня беспокоило то, что я сходил с ума и у меня из головы не выходила эта девушка Ия. Но я посмотрел на простыню и сказал:

– Я хочу жениться на вашей дочери, потому что люблю ее.

Отец оторвал взгляд от бумаг и пристально посмотрел на меня.

– Жениться – это хорошо. Но что, нельзя было до свадьбы потерпеть? Как я в глаза людям буду смотреть, когда они узнают, что ты мою дочь...

– Прошу, не надо об этом, – вступилась за нас мать Розы.

– Как не надо. Надо! – он швырнул бумаги на пол и встал.

– Сейчас другие времена...

– При чем тут времена? Ааа, – он в отчаянье махнул рукой и снова сел.

– Ты предохранялась? – спросила мать Розу.

– Нет, я же уже сто раз тебе отвечала на этот вопрос. Ты думаешь, если задашь его еще раз, то случайным образом вдруг окажется, что я предохранилась, – вытирая мокрый нос, ответила Роза.

Отец хлопнул по столу рукой так, что мы все вздрогнули, и спросил у меня.

– Если ты говоришь, что любишь мою Розу, тогда, надеюсь, не откажешься пройти ритуал?

– Какое хатна! А если на работе узнают, что ты религию поддерживаешь? – возмутилась мать Розы, даже вскочив с кресла.

Отец сурово взглянул на нее, и казалось, что он взглядом усадил ее назад в кресло.

– Это традиция такая у нас, она не нами начата и не нам ее обрывать. Что мы родителям нашим скажем, что наша дочь, их внучка, вышла замуж за иноверца?! Ты сможешь им это объяснить?

– Я пройду нужный вам ритуал, – ответил я, понятия не имея, что это за ритуал.

Он довольно посмотрел на меня и спросил у Розы:

– А ты пойдешь замуж за Егора?

– Да! – со слезами крикнула она.

Тут же расплакалась ее мать, и даже я еле сдерживал слезы. Отец отвернулся к окну и, глядя в сад, сказал:

– Свадьба в августе будет. Егор, скажи родителям, пусть завтра сватов засылают, чтобы хоть со стороны все по правилам было. А сейчас уйдите с глаз моих.

Мы оба тут же пулей вылетели из дома.

– погоди, – держа меня за руку, сказала Роза. – Не хочу, чтобы меня зареванной видели, пойдем в саду постоим, я успокоюсь.

– А что нашим скажем?

– Ну явно не то, что мать простынь нашла. Скажем, что ты руки просил моей у отца моего.

– А ты это вправду сказала, что замуж за меня хочешь?

– Я бы тебе и не дала, если б не хотела. Просто как-то быстро все завертелось. И чего мать под кровать полезла.

– Ну тогда вроде обошлось?

Она хмыкнула, подняла подол и показала сине-красные полосы по всей попе.

– Относительно. Благословление отцовским ремнем я получила по полной.

Я растерялся и спросил:

– Чем я могу помочь?

Мой дурацкий вопрос рассмешил ее до слез.

– Завтра родители уйдут, придешь кремом помажешь. Ты, кстати, насчет ритуала не переживай, самое страшное в нем моя мама тебе сама сделает, как-никак она у нас хирург. А

сейчас пошли к нашим.

Я пришел домой, когда родители уже собирались спать и пили на кухне свой традиционный чай на ночь.

– Мама, папа, завтра нужно сватов заслать, – заявил я с порога, скидывая непослушные кроссовки.

Папа решил, что это очередная моя шутка, а вот мама сразу поняла, что нет, и застыла с ложкой варенья в руке, с которой капали на стол ярко-красные капли малинового сиропа. Папа, видя ее реакцию, кажется, тоже понял, что это не шутка, и сказал:

– Может, институт хоть вначале закончишь. Никуда она не денется, все равно каждый день видитесь.

– Я женюсь на Розе.

– Таак, – вступила в разговор мама, так и не съевши варенье, а бросив ложку с ним в чай. – А ее родители в курсе ваших грандиозных затей?

– Сын, ее отец – не простой человек, к нему так нельзя с бухты-барахты сватов слать, нужно с ним вначале встретиться, поговорить, я, конечно, схожу с ним потолкую по-соседски, но не думаю, что он согласится...

– Он сам мне сказал, чтобы завтра сватов вы прислали, – перебил я отца.

Мама догадалась, откуда причины моей спешки с женитьбой, и спросила:

– Вы что, того? А?

– Да, – смущаясь и краснея, ответил я.

– Значит, легких путей не ищем? – то ли спросила, то ли просто констатировала мама, отодвинув в сторону чашку с так и не выпитым чаем.

– Ну он-то как раз легко отделался, – сказал отец и полез в шкаф за вишневой настойкой.

– Мне тоже, – сказала ему мама.

От всего произошедшего я долго не мог спать и потому просто сидел в кресле, выключив свет. Пытаясь понять все то, что произошло в черном доме, и мои странные воспоминания девушки Ии. Все эти воспоминания были слишком реальны, все, ведь я помнил ее сидящей в этом кресле, лежащей на моей кровати и читающей книгу, помнил ее голос, смех и даже дыхание. Но не было ничего и никого в этом мире, что могло бы подтвердить ее существование, и это указывало только на то, что я сошел с ума. Но если я сошел с катушек, то почему она лишь в моих воспоминаниях, в воспоминаниях... Только я подумал об этом, как увидел, что Ия лежит в моей кровати и зовет к себе. Я послушно пошел и залез под одеяло и тут же почувствовал прохладу, Ия прижала меня к себе, ее холодные руки обхватили меня, и ледяной холод сковал мое тело.

– Пойдем, пойдем со мной, – нежно шептала она мне в ухо.

Я хотел выскочить из кровати, но мое тело настолько замерзло, что не могло пошевелиться, я попытался крикнуть,

но ничего не получилось, челюсть не двигалась.

– Скажи только «да», и все мы уйдем с тобой из этого черного дома, – умоляла она, и я чувствовал, как холодные ледышки ее слез падали мне на лицо.

Я было уже попытался сказать «да», но почувствовал, как что-то горячее прикоснулось к моей голове, и тут же словно удар тока прошел по всему моему телу, я вздрогнул. Открыв глаза, понял, оказывается, я спал, но, когда я лег в постель, я абсолютно не помнил. Тело по-прежнему дрожало от холода.

– Тебя не дожدهшься, ждала, ждала, пришлось самой идти, – сказала Роза, положив баночку с кремом на стол, села рядом и засунула свои руки под мое одеяло

– Привеет! – сказал я дрожащим голосом.

– Да ты холодный, как ледышка. Как можно быть таким холодным в такую жару, – причитала Роза, забираясь ко мне. – Сейчас я согрею тебя.

От ее тепла и ласк мне стало намного лучше. И в этот момент я принял решение больше не пускать в свою голову никаких странных воспоминаний, никаких мыслей о черном доме и Ии. А чтобы мысли и воспоминания не приходили, надо что-то делать постоянно, что-то делать – работать. Я взял баночку с кремом и принялся мазать Розины синяки.

– Тебя снятся сны? – спросил я ее.

– Да, каждую ночь, и, чтобы запомнить их, сперва вспоминаю, а потом открываю глаза.

– Значит, чтобы не помнить, надо вставать сразу! – чуть

ли не крича выпалил я.

Роза повернулась и посмотрела на меня:

– Ну и чудной же мне достался.

Через два месяца, к большому удивлению всех тех, кто не был в курсе, состоялась наша с Розой свадьба. А еще через два месяца мы с ней уехали в столицу, куда пригласил нас ее дядя, имеющий хорошую должность и связи в столичных кругах. Правило вставать рано без всяких утренних нег в постели и постоянная активность настолько прочно вошли в мою жизнь и так изменили меня, что я сам себя не узнавал. Нам удалось переводом перевестись на третий курс института, еще через год нам каким-то образом благодаря ее отцу и дяде дали новую квартиру. Через три года у нас родилась дочь Кристина, потом хорошая работа на ведущем предприятии. Не жизнь, а мечта обывателя, и все шло гладко, и все давалось само, я готов был прожить так всю жизнь. Главное, не давать себе расслабиться, а то придут воспоминания.

Но тут началось.

Видения.

Ни с того ни с сего я вдруг среди белого дня обнаруживал, что нахожусь в одной из комнат черного дома, или среди улицы я видел призрак девушки Ии, который звал за собой, и с тем, что волей-неволей постоянно думал только об этой маленькой щуплой девушке, которая попала из-за меня в беду. Если я самостоятельно справился со снами, заставив

их замолчать, то с такими видениями в одиночку я справиться уже не мог. Пришлось все рассказать Розе. Она довольно серьезно отнеслась к моей проблеме, сама проштудировала море литературы по психологии и психиатрии, искала способы помочь мне и поддерживала меня в особо тяжелые моменты жизни, когда я даже не мог выйти из дома. В конце концов она вышла на очень известного психотерапевта, который смог избавить меня от этого странного наваждения.

– Эта девушка – персонификация защитного механизма твоей психики, который оказался в стрессовой ситуации, вызванной самовнушением о том, что тебя ждет в том доме. Твои сны были слишком опасны для твоей психики, и вот подсознание создало Ию. Но теперь она уже не нужна, как, например, лодка, когда ты уже переплыл реку. Но твоя психика, увидев, как хорошо она тебя спасла однажды, предпочитает тащить ее за собой, – он так красиво преподнес мне это объяснение, что заучил его наизусть и периодически повторял, как молитву.

С помощью сеансов суггестии и лекарств ему удалось, по словам Розы, спасти меня от психушки, правда, дорогой ценой. Валерий, так звали его, увел у меня Розу. Наваждения меня, конечно, больше не беспокоили, но мне казалось, их не было не из-за его терапии, а из-за той боли, что у меня нет Розы. Просто одна боль затмила другую. Некоторое время я находил утешение в алкоголе, но Роза поставила жесткие условия: либо алкоголь, либо мои встречи с дочерью, благо-

даря этому мне удалось взять себя в руки и завязать.

И вот через двенадцать лет я приехал домой, поезд медленно останавливался, казалось, что машинист специально оттягивает момент моего приезда, будто боясь нарушить спокойный ход вещей.

На перроне меня встретил довольно располневший Вовка, начались объятия, тут же подбежала Светка, которая стала его женой. Загрузившись в машину, они повезли меня до родительского дома, где меня ждали мать и отец.

– Вован, а как ты решился Светке предложение сделать?

– Кто, он! – возмутилась Светка указывая на него пальцем. – Я сама сделала ему предложение, сама трахнула и сама свадьбу организовала. Ты че, не помнишь? Он же тормоз!

– Че сразу тормоз, – проворчал Вовка, чем вызвал у нас со Светкой смех.

Но все же она на него тепло посмотрела и, глядя по голове, сказала:

– Нее, не тормоз. Хороший муж у меня, и детишки тоже, у нас их трое – два пацана и девчонка, мы тебя с ними познакомим еще.

Я смотрел в окно и не узнавал город: все перестроили. Проезжая мимо того места, где был черный дом, Вовка пояснил:

– На месте черного дома уже построили новую школу. Но что-то пошло не так, и ее никак не могут сдать в эксплуатацию.

– У местной детворы и молодежи уже возникли свои страшилки, но уже связанные с этим новым зданием. Кто видел приведения в окнах пустующей школы по ночам, кто странные огни и звуки, – добавила Светка.

– Кстати, а ты знаешь, что Роза тоже приехала...

– Все-таки ты тормоз! Вот зачем человеку настроение портить? – ударив себя ладошкой по ляжке, возмущенно выругалась на Вовку Света.

– Да нормально все, я не буду рыдать, как в новомодных латинских сериалах, развелись уже ведь давно, даже видимся раз в год, на день рождения Криски.

Наступила неловкая тишина, затем я спросил:

– С новым своим приехала?

– Да ну, ты что! Ее отец сказал, что секир башка ему делает, если появится на пороге его дома, – довольно доложил обстановку Вовка.

На следующий день, поддавшись ностальгии, я решил перебрать свои старые вещи и книги. Разгребая полки, я наткнулся на фотоаппарат, судя по всему, пленка была еще там. Мне пришла в голову мысль: а что, если ее проявить и напечатать фотки, наверняка, там будет что-то из молодости. Я отнес фотоаппарат в старое фотоателье при доме быта. Там работал, сколько я помню, неизменно Авраам Исакыч.

– Вот, капсула времени, даже не знаю, что там, на пленке, – протянул я ему старый ФЭД. – Там кассета больше десяти лет как застряла, посмотрите, возможно, получится что-

нибудь напечатать.

На удивление мне, он довольно легко извлек из него касету с пленкой, а фотоаппарат отдал мне.

– Скорее, коробка Шредингера, – сказал он, улыбаясь, я не очень понял, о чем он, но мне было это неважно.

Он взялся вытащить пленку и проявить и, если получится, напечатать фотографии, вручив мне по старинке квитанцию.

Вовка подговорил мою мать устроить мою встречу с одноклассниками и друзьями у нас дома, как раньше, когда у меня на праздники собирался весь класс. Пришлось заняться приготовлениями. Отправив Вовку с Лехой на базар, я попросил, чтобы они забрали фотографии.

К вечеру стал подтягиваться народ.

– Ты только не нервничай, – отводя меня за руку в сторону, прошептала Света. – Там Роза...

– Ой, Розочка, здравствуй, дорогая! – услышал я голос матери.

– Здравствуйте, Надежда Викторовна, вот вам подарок из Москвы... Франция.

– Спасибо, спасибо. А что без Кристинки?

– Да сегодня решила посидеть молодость вспомнить, а то, если она с Егором встретится, пропала посиделка, сопли, нюни разведут... А завтра приведу, пусть хоть до конца отпуска у вас будет, сама хоть отдохну.

– Дай обниму тебя, родная, – послышался голос отца.

Как только Роза вошла в комнату, она сразу подошла ко

мне.

– Здравствуй!

– Привет!

– Держи, на, вот тебя мама шебакии передала, – она отдала мне пакет, в котором лежали мои любимые сладости. Я было хотел ее обнять, но она тут же отвернулась, видимо, чтобы не заплакать, и ушла помогать на кухню.

Нас посадили по разные стороны стола, словно боялись, что мы окажемся рядом, все внимание по обыкновению перешло на нее.

– ...Кстати, я фотки-то привез, прикольно.

Их тут же выхватила Ольга.

– Ух ты! Это же мы...

– ...Э, а вон лавочка наша.

Я, так понял, что мне они достанутся последними, фотографии передавали по кругу, Роза пропустила свою очередь, так как мы в этот момент просто сидели и смотрели друг на друга, и все остальное нас не волновало.

Наконец, взяв их, она медленно и не комментируя начала быстро их просматривать, остановившись на одной из фоток, она подняла глаза и посмотрела на меня, все притихли, она еще некоторое время разглядывала ее, потом быстро просмотрела остальные и отдала мне. Не все фотографии получились, где фокус был неправильно выставлен, где просто неудачно. Я смотрел на фотографии, в основном дома нашей улицы и цветочки. И тут мои руки затряслись. Я вско-

чил и, стараясь не смотреть на фотографию, словно обжегшись, бросил ее на пол, забегал по комнате, все испуганно смотрели на меня, лишь Роза, оперившись на стол локтями и плотно ладонями сжав свои виски, просто пялилась в тарелку.

– Нет! Нет! – вырывалось из моих уст.

Наконец я решился вновь посмотреть на фотографию, которая лежала на полу. Я встал на колени и нежно обеими руками поднял ее с пола. На фотографии была Ия.

Игорь Красовский. 22.02.2022.